

О смѣнѣ поколѣній и о вѣчном возвращеніи

(К СПОРАМ О ЛИЧНОСТИ И КОЛЛЕКТИВѢ)

Никогда еще так остро не ставился вопрос о смѣнѣ поколѣній, об отцах и дѣтях, как в наше время. Постоянно противопоставляются направленія дореволюціонныя и пореволюціонныя, довоенныя и послѣвоенныя. Это самая модная тема и не только в русской средѣ, но и повсюду на Западѣ. Эмоціональное отношеніе к этой темѣ очень преувеличивает новизну в смѣнѣ поколѣній и душевных структур. Это дѣлают и старики, забывающіе прошлое и пугающіеся новых людей, и молодые, прошлаго не знающіе и от него отталкивающіеся. В дѣйствительности мы видим повтореніе соотношеній, которыя уже не раз были, но в несравненно болѣе широкіх размѣрах. В XIX вѣкѣ у нас порода людей опредѣлялась по десятилѣтіям, и поколѣнія разных десятилѣтій друг друга не признавали. Это связано было с отсутствіем в Россіи крѣпкой культурной традиціи и с раскольничьим характером русской исторіи петровскаго періода. Вопреки мнѣнію славянофилов, русская исторія была наименѣ органическая. Столкновеніе людей 60-х годов с людьми сороковых годов было не менѣе остро, чѣм столкновеніе отцов и дѣтей в нашу эпоху, хотя оно происходило в иной соціологической средѣ, менѣе унифицированной. Нигилисты 60-х г.г. презирали идеалистов 40-х г.г. нисколько не менѣе, чѣм коммунисты представителей старой интеллигенціи, эсеров, меньшевиков, кадетов. Они совершенно так же считали идеалистов 40-х годов болтунами, разслабленными, неспособными к дѣйствию, чуждыми реальных процессов жизни, идеологами господствующих, а не трудовых классов. Базаров называет своего пріятеля Кирсанова либеральным барчуком, т.-е.

видит в нем отпрыск людей 40-х годов. Чернышевский, выразитель нового поколения 60-х годов, презрительно говорит о Герцене, революционеру и эмигранту, видит в нем барина 40-х годов, который все еще воображает, что он спорит в салонах с Хомяковым. Отношение Чернышевского к Герцену и людям 40-х годов очень напоминает отношение коммуниста к эсеру и меньшевику. Тут та же смѣна душевных структур, та же реакція против предшествующаго поколения, даже если его представители родственны по социальному направленію и имѣют революціонныя заслуги (таково отношеніе Чернышевскаго к Герцену). Возьмем другое столкновение направлений, борьбу марксистов и народников в 90-е годы прошлаго столѣтія. Тут повторяются схожіе мотивы. Марксисты перваго поколения приблизительно так же относились к народникам, к старой революціонной интеллигенціи, как Чернышевский к Герцену, как люди 60-х годов к людям 40-х годов. Ученики Чернышевскаго становятся старомодными людьми отжившей эпохи, неспособными понять движеніе своего времени. Как и в 60-е годы, новый, болѣе жесткій тип возстает против стараго, болѣе мягкаго типа. Всякій раз новое поколеніе дѣтей считает себя болѣе реалистическим и презирает романтизм поколенія отцов. Этот реализм дѣтей, вѣроятно, может быть объяснен психоаналитически. В болѣе грандіозных размѣрах такого рода столкновение повторяется в русской революціи. Поколеніе коммунистов, жесткое и реалистическое, не только презирает, но и гонит уже не только эсеров, кадетов, старую свободолобивую интеллигенцію, но и тѣх самых марксистов-меньшевиков, которые в молодости, как жесткіе и реалистически настроенные, презирали старую народническую интеллигенцію. Повторяется в новых формах одно и то же. Многія особенности психической структуры и міровоззрѣнія коммунистов унаслѣдованы от поколеній 60-х и 70-х годов, от русскаго нигилизма и русскаго революціоннаго народничества. На Западѣ мы видим психологически очень схожія явленія в отношеніи фашистов к старым либералам и радикалам, націонал-соціалистов к предшествующим нѣмецким идеологическим направленіям. В первую половину XIX вѣка таково же было соотношеніе поколенія, вос-

питаннаго на Фейербахъ и стремившагося к революціи, к поколѣнію, воспитанному на идеализмъ и романтизмъ. Примѣчательно, что всегда появляются тѣ же черты жесткости, реалистичности против черт мягкости, романтизма и пассивной созерцательности.

Как опредѣлить основную черту молодежи повоснаго и по-революціоннаго поколѣнія, объединяющую столь враждебныя теченія, как коммунизм и как фашизм, націонал-соціализм, евразійство и пр.? Смѣна поколѣній означает переход к коллективизму, к коллективному сознанию и мышленію, разрыв с индивидуализмом прошлаго вѣка. В этом сойдется молодой католик с коммунистом, с фашистом, с націонал-соціалистом. В этом опредѣленіи безспорно много вѣрнаго. Представляется, что происходит столкновение коллективизма с индивидуализмом в планѣ социальном, и этому соотвѣтствует измѣненіе душевных структур, коллективистической и индивидуалистической. При чем происходит это в разных формах, иногда самых противоположных. Но попробуем поставить эту проблему в перспективу русскую и перспективу всемірно-историческую. Если в молодых русских направленіях нарождается тип коллективнаго мышленія, преодоляющій индивидуализм, в коммунизмъ в формах грандіозных и очень актуальных и по иному, с цѣлями противоположными, в евразійствѣ, в русском фашизмѣ и т. п., то интересно вспомнить, как было в прошлом, дѣйствительно ли в прошлом торжествовал индивидуализм, как сейчас представляется. Мышленіе русской лѣвой, революціонной интеллигенціи всегда было коллективным, как впрочем и мышленіе большей части человечества. Я даже думаю, что коллективность мышленія, коллективность сужденій, коллективность совѣсти — характерный признак той русской интеллигенціи, которая под старость и послѣ потрясеній революціи готова признать себя борцом за индивидуума против уничтожающаго индивидуума коммунизма. Индивидуальное, личное мышленіе очень трудно было встрѣтить. Оно свойственно только таким одиночкам, как К. Леонтьев или В. Розанов. Сейчас не любят философіи, но это совсѣм не ново, философію никогда не любили в широких кругах русской интеллигенціи. Коллективное

общественное мнѣніе русской интеллигенціи было очень деспотическим. Черт общих с коммунизмом было очень много. Интеллигенція очень походила на секту, довольно нетерпимую, со своими коллективными, моральными и социальными догматами. От этого интеллигентского коллектива очень легко отлучали за индивидуальныя, личныя сужденія и мысли. Коммунисты совѣм не так оригинальны, как это кажется. Откуда они взяли свой матеріализм, свою вражду к религіи, к метафизикѣ, к эстетикѣ и красотѣ, исключительно социальный характер своего міросозерпанія, свое исключительное поклоненіе наукам естественным и экономическим за счет наук гуманитарных и философских, свою идеализацію трудящихся классов, рабочих и крестьян, как единственных, настоящих людей, свою сектантскую нетерпимость? Все это взято от Чернышевскаго и от старой русской интеллигенціи. Но дѣти и внуки этой старой интеллигенціи, превратившіеся в отцов и дѣдов, враждующіе с коммунизмом, сами забыли свое прошлое, свои истоки. Если бы русскій нигилизм и русскія крайнія народническія направленія в свое время могли осуществить свою программу, реализовали бы ее в жизни, то, вѣроятно, получился бы строй и бытъ, мало отличный от совѣтскаго. Боюсь даже, что к Пушкину отнеслись бы хуже, чѣм относятся сейчас в совѣтской Россіи, гдѣ Пушкина читают и изучают. Главное различіе в том, что старая революціонная интеллигенція очень мало думала о том, как завоевать и организовать власть. Об этом думали только большевики и потому они и побѣдили. Либерализм у нас всегда презирали и не без основанія, слово либерал было почти ругательным. Чернышевскій и люди его лагеря не болѣе любили либералов, чѣм современные коммунисты или фашисты новаго фасона. Но если коллективизм мышленія и сужденій был присущ нашей интеллигенціи и направленіям лѣвым и революціонным, то в безмѣрно большей степени он был присущ командующим классам и направленіям правым. Там уже окончательно мышленіе было полковым, сословным, чиновничьим, и оригинальность личной совѣсти была парализована или не родилась еще. Это вопрос совѣм иного порядка, чѣм вопрос об индивидуализмѣ или коллективизмѣ в организаціи социальной, хо-

зяйственной жизни. «Индивидуализм» буржуазно-капиталистической эпохи был вполне коллективистическим, нивелировал и подавлял личность, он был анонимным и требовал коллективного мышления и коллективных суждений. Газета является органом этого коллективного мышления и коллективных суждений. Во Францию, самой индивидуалистической в экономическом отношении странѣ и наиболѣ дорожающей формальной свободой, мышление наиболѣ социальное, коллективное, и французы наименѣ любят слишком индивидуальные, личные уклоны мысли. Маркс отлично понимал коллективистический характер капиталистической индустрии и он отсюда и взял свой коллективизм.

Да и когда мышление не было коллективным, когда суждения не были подвергнуты социальным внушениям, когда социальные внушения не определяли даже религиозные вѣрованія? Нужно поставить этот вопрос в болѣ широкую, всемирно-историческую перспективу. И тогда мы увидим, что мышление и совѣсть людей с первобытных кланов, проникнутых тотемистическими вѣрованіями, в массѣ всегда было коллективным, всегда определялось социальными внушениями. Мышление было племенным, национальным, семейным, сословным, классовым, партийным, школьным. Личное мышление всегда было рѣдким цвѣтком в жизни человеческих обществ. Настоящая любовь к свободѣ, к личному, оригинальному, т.-е. черпающему из первоисточника творчеству всегда была аристократична (не в сословном, конечно, смыслѣ). Массовые революционные движения в человеческих обществах всегда так же мало вдохновлялись паѳосом свободы и личного творчества, как и консерваторы, охраняющіе устоявшійся и застывшій общественный строй. Мы видим, что одно и тоже психологическое явление периодически повторяется с разным социологическим значеніем. Схожія душевныя структуры могут возвращаться в разных социальных ситуациях. Человѣческая природа мало вмѣстительна, она не может жить полнотой, она живет обычно поворотами, реакціями. Смѣна поколѣній всегда означает такія психическія реакціи. Душевный тип романтической смѣняется душевным типом реалистическим, обращенность к потустороннему

смѣняется обращенностью к посюстороннему, созерцательная настроенность смѣняется социальным активизмом и наоборот. И обыкновенно наиболее неприятна, наиболее вызывает реакцію предшествующая эпоха. Сейчас замѣчается психологическая реакція не столько против старых направлений второй половины XIX вѣка, сколько против направлений начала XX вѣка, против русскаго культурнаго ренессанса начала вѣка. И в этой реакціи есть и здоровые элементы, поскольку она направлена против упадочнических настроеній предреволюціонной эпохи. Ново сейчас и отличает современное поколѣніе от предшествующих главным образом то, что всѣ сейчас призваны к участию в непосредственном дѣлѣ устроения жизни, организациі общества, что нѣтъ сейчас того относительно устойчиваго строя жизни, который в прошлом был реальной опорой и для революціонеров, стремившихся к перевороту. Все сейчас пришло в жидкое состояніе, нѣтъ твердых тѣл, не время мечтать о переворотах и новой жизни, строить идеологіи, нужно сейчас же реально устраивать жизнь, организовывать хозяйство и государство, иначе нельзя прожить. Сейчас всѣ стали реалистами по положенію, по социальной ситуациі. Этим объясняется реалистическій активизм молодежи. Вопрос идет о возможности самаго существованія, нельзя ждать, нѣтъ базиса, опираясь на который можно себѣ позволить быть идеалистом, мечтателем, строить разныя социальныя идеологіи, хотя бы и самыя революціонныя. Мы живем в эпоху очень социальную и вмѣстѣ с тѣм неблагоприятную для всяких социальных идеологій и теорій. Это опредѣляет и душевную структуру. Коллективизм и активизм совѣтской молодежи в значительной степени опредѣляется тѣм, что без коллективнаго дѣйствія молодежь не может существовать, ей грозит гибель. Коллективизм перестал быть мечтой, как был в XIX вѣкѣ, он стал суровой и повседневной реальностью. Старая интеллигенція, возстающая против этого коллективизма и активизма (в коммунизмѣ, фашизмѣ, націонал-соціализмѣ и пр.), забыла, что в прошлом она сама была проникнута идеалом коллективизма и призывала к актуализму, но коллективизм и актуализм были для нея менѣе реальным и насущным, болѣе мечтательным. В XIX вѣкѣ люди

были гуманнѣе, чловѣколюбивѣе, сострадательнѣе, чѣм в наше жестокое время. Но нужно помнить, что нынѣшнее поколѣніе выросло на безчловѣчій войны и принуждено бороться за жизнь и организовывать жизнь. Кромѣ того тѣ, которые допущены к организациі жизни и к власти, всегда отличаются от тѣх, которые строят идеологиі новой жизни, мечтают о ней и во имя ея претерпѣвают гоненія. Природѣ власти присуща не только жестокость, но и безчловѣчіе, хотя, конечно, в разной степени. Ничего нѣтъ принципиально новаго в современном безбожіи, безбожіе было очень распространено в XIX вѣкѣ. Но в нашу эпоху оно получает совершенно иное соціальное значеніе, оно стремится к соціальной власти.

Конфликт «индивидуализма» и «коллективизма» принадлежит опредѣленному времени, эпохѣ, он современен. Но его не слѣдует смѣшивать с вѣчным конфликтом личности и коллектива, который не связан ни с каким соціальным строем и непреодолим никакими соціальными измѣненіями и переворотами. Это есть вѣковѣчная проблема чловѣческаго существованія, личной судьбы. Борьба социализма и капитализма, как разных форм организациі чловѣческаго общества, совсѣм не переводима на проблему отношенія личности и коллектива, имѣющую метафизическую и религіозную глубину. Защищать капитализм, обосновывающій себя на экономическом индивидуализмѣ и либерализмѣ, тѣм аргументом, что он благопріятен для личности, социализм же подавляет личность коллективом, есть ложь и лицемеріе. Капитализм нисколько не благопріятен для личности, в нем личность раздавлена коллективом индустріи. Социализм же может и не подавлять личность, может освободить ее. Это цѣликом зависит от того, каким духом он проникнут. Это есть прежде всего проблема духа.

Николай Бердяев.